

Майское солнце уже начало демонстрировать всю свою летнюю мощь.

Юй Цзян снял с головы соломенную шляпу и принялся обмахиваться ею, пытаясь унять клекотавшую в груди ярость. Однако стоило ему взглянуть на экспериментальное поле, где то тут, то там виднелись надкушенные плоды, как голова снова пошла кругом от назойливого гула.

— Спокойнее, спокойнее! — принялся успокаивать его однокурсник. — Посмотри, тут еще полно целых плодов, не принимай так близко к сердцу.

Они учились на третьем курсе факультета агрономии Тяньбэйского сельскохозяйственного университета. После летних каникул их ждал четвертый, выпускной курс. Эти экспериментальные посадки фактически были их дипломными работами, и каждый относился к ним как к зенице ока, тщательно ухаживая за ростками даже под палящим тридцатиградусным солнцем. Кто же мог знать, что сегодня, придя сюда, они обнаружат, что поле арбузов Юй Цзяна, которые уже начали плодоносить, превратилось в изрытое ямами месиво? У кого угодно в такой ситуации случился бы сердечный приступ.

А учитывая, что в их глазах Юй Цзян был хрупким и нежным омегой, ребята боялись, что он просто свалится в обморок от злости.

Юй Цзян сделал несколько глубоких вдохов, выдавил из себя улыбку, поблагодарил обеспокоенного товарища и ответил:

— Со мной все в порядке.

Только он закончил фразу и, глядя на уцелевшие арбузы, попытался убедить себя, что это лишь досадная случайность, как телефон в кармане вибрировал.

— Почему не отвечаешь на сообщения? Говорю тебе: на этой неделе ты обязан вернуться и встретиться с нужным человеком! То, что ты, будучи омегой, пошел учиться земледелию, — уже само по себе позор. Сейчас наконец-то нашелся кто-то, кто положил на тебя глаз, так чего ты ждешь? Думаешь, с возрастом удастся найти партию получше? Или ты планируешь всю жизнь сидеть у меня на шее?

Стоило ответить на звонок, как из трубки донесся яростный рык Отца Юй.

Юй Цзян пожалел, что в порыве эмоций не взглянул на экран и машинально нажал кнопку приема.

Он был попаданцем в книгу.

Изначально он думал, что просто переродился, забыв испить отвара забвения у богини Мэн По.

Но по мере того как он рос и его сознание развивалось, он осознал: это не случай с Мэн По, он попросту попал в роман.

Книгу ему прислал однокурсник — ради шутки, заметив там персонажа с тем же именем и фамилией. Сюжет повествовал о том, как бета в мире АВО ломает предрассудки и покоряет сердца множества альф. Однако этот тезка Юй Цзяна не был главным героем, а приходил ему сводным братом.

Юй Цзян был плодом вынужденного брака Отца Юй. После того как его мать, та самая «нежелательная» супруга, скончалась, Отец Юй не только поспешил жениться на своей истинной любви, с которой когда-то был разлучен, но и, обзаведясь новым ребенком, словно забыл о существовании Юй Цзяна, просто сбавив его нянькам.

Отец Юй годами игнорировал сына, а когда тот повзрослел, внезапно проявил «отцовские чувства». Под предлогом заботы он нашел ему «хорошую партию» и насильно отправил на бракосочетание.

По сюжету оригинальный персонаж действительно был схвачен и выдан замуж. Не прошло и двух лет, как в несчастном браке он покончил с собой, впад в депрессию.

Конечно, в этот момент Отец Юй снова вспомнил о своей отцовской любви: после смерти сына он вместе с семьей Юй потребовал справедливости и заставил другую сторону заплатить высокую цену. Эта «цена» заключалась в огромных уступках со стороны того альфы, которые пошли на пользу семье Юй. Благодаря этой поддержке и усилиям главного героя семья Юй начала стремительно процветать.

Юй Цзян лишь усмехнулся. Смертью своей он в итоге сделал последний вклад в благополучие семьи Юй — типичная судьба расходного материала. Кто хочет, пусть и играет роль этого мученика, но он — не будет.

Когда Юй Цзян пережил совершеннолетие, требующее опекунов, он при подаче документов в университет намеренно проигнорировал популярные среди омег факультеты вроде искусств или музыки и выбрал агрономию — направление, от одного упоминания которого омега обычно приходят в ужас. Его стратегия была проста: делать всё, чтобы стать максимально непривлекательным для брака.

Только представьте: когда все выбирают омег, хвастаясь их послушанием, красотой и талантами, их хобби — рисование или музыка, а Юй Цзян целыми днями то с закатанными штанинами и мотыгой копается в земле, то в соломенной шляпе грохочет на тракторе. Кто после такого не будет крутить пальцем у виска?

Юй Цзян понимал: внезапная вспышка «отцовской любви» была лишь способом сбыть с рук ненужного омегу, чтобы извлечь из этого выгоду. Он же стремился избежать этого любыми путями: чтобы даже если Отцу Юй приспичит кого-то сосватать, другие семьи не захотели бы иметь дело с таким кандидатом.

Бегство не было вариантом. В этом мире омеги считались невероятно ценными и хрупкими, поэтому каждый из них был зарегистрирован в базе. Если семья заявляла о пропаже, начинались поиски государственного масштаба. Особенно с учетом влияния семьи Юй, скрываться где-то было нереально, а риск попасть в лапы преступников — слишком велик.

Отец Юй, не интересовавшийся жизнью сына годами, даже не знал, когда тот сдавал экзамены, не говоря уже о специальности. Он узнал о поступлении в сельскохозяйственный вуз, когда было уже поздно. Земледелие? Омега — и в поле? Разве это подобает?

Отец Юй тогда пытался разорвать уведомление о зачислении, но Юй Цзян отобрал его и заявил: если тот посмеет препятствовать, он уйдет из семьи, а вернется лишь тогда, когда осознает свою «ошибку».

Смешно, но Юй Цзян как раз ломал голову, как законно разорвать связи с семьей. Услышав это, он тут же собрал чемодан со своими документами и без тени сомнения покинул дом, даже не обернувшись на своего «папашу».

Отец Юй в бешенстве не только приказал заблокировать все счета сына, но и перерыл его вещи, чтобы убедиться, что тот не прихватил ничего, принадлежащего семье Юй. Он был уверен: избалованный юноша, оставшись без гроша, быстро вкусит горечи жизни и поползет обратно вымаливать прощение.

Но прошел год, два — Юй Цзян не вернулся. Ходили слухи, что он подрабатывает, зарабатывая на жизнь. Видя, что сыну уже за двадцать, и опасаясь, что тот влюбится и будет помечен каким-нибудь альфой — а значит, семья Юй «потеряет» актив — отец перестал ждать покаяния. Он сделал вид, что изгнания никогда не было, несколько дней разыгрывал спектакль «любящего отца», а затем в одностороннем порядке начал планировать смотрины.

Получив отказ, он принялся поносить сына, называя его неблагодарным волчонком, принижал его профессию и твердил, что без поддержки семьи он не найдет достойного альфу, пытаясь «промыть мозги» и подчинить своей воле.

Поэтому Отец Юй только и ждал момента, когда Юй Цзян провалится в учебе, чтобы утащить его домой и принудить к браку.

Именно из-за такого отца, увидев погром на поле, Юй Цзян принял решение — построить шалаш и ночевать прямо здесь. Арбузы еще не созрели, а когда поспеют — станут главной целью воришек.

К тому же, сегодняшний звонок стал тревожным сигналом: Отец Юй с каждым днем все больше суетился насчет брака. Юй Цзян даже подозревал, что тот влез в долги и теперь пытается продать сына, чтобы расплатиться. Учитывая, как яростно отец критиковал его учебу, нельзя было исключать, что он сам заявится сюда, чтобы всё испортить.

Юй Цзян посмотрел на арбузы, которые пока были не больше теннисного мяча, и серьезно произнес:

— Никто больше не посмеет обидеть моих арбузиков.

Однокурсники замерли.

Они посмотрели на его лицо — тонкие, изящные черты под соломенной шляпой — и на его персиковые глаза, в которых отражалась такая глубокая привязанность к маленьким арбузам, что им на мгновение стало не по себе.

Они учились вместе три года, но так и не могли понять, почему омега выбрал их аграрный факультет. Когда он только поступил, многие злословили, что этот омега наверняка груб и неотесан, раз решил искать судьбу в сельском хозяйстве. Но при встрече все ахнули: Юй Цзян был необыкновенно хорош собой. И каждый раз, когда он брал в руки мотыгу, чтобы полоть грядки, окружающим казалось, что происходит что-то противоестественное.

Однако нельзя было отрицать: Юй Цзян учился прилежно. Он работал наравне со всеми и никогда не позволял другим делать что-то за себя. Наверное, он и правда всей душой любил земледелие.

Но даже при такой любви не стоило так надрываться — все-таки он омега.

Ребята старались подобрать слова, чтобы снова убедить его всё обдумать. Однако, прежде чем они успели что-то сказать, этот самый «хрупкий и нежный» омега вдруг во все горло завопил:

— Да твою ж мать! — и, словно порыв ветра, сорвался с места, проносясь мимо них.

<http://bllate.org/book/21013/2136314>